

Речь 24 февраля 1940 года в Мюнхене

Мои соотечественники и соотечественницы!

Двадцать лет назад я впервые предстал перед широкой публикой в этом зале. То, что привело меня сюда, было самым трудным и фанатичным решением в моей жизни.

Когда спустя 20 лет я вижу перед собой столько моих старших соратников, стоящих передо мной, это уже само по себе является чем-то выдающимся. Я не знаю, сколько в демократических странах найдется политиков, которые спустя 20 лет - как я - могли бы вновь предстать перед своими первыми сторонниками. Когда я тогда вошел в эту комнату, я не был выходцем из какого-то пацифистского клуба, как вы знаете. В то время я был еще солдатом, еще членом немецкого вермахта, и был солдатом с душой и сердцем. Меня привел сюда протест моих солдатских чувств в то время, которое, вероятно, можно назвать временем глубочайшего унижения нашего немецкого народа.

В то время наш народ пережил крах, которому не было примера в истории уже потому, что у так называемых побежденных не было победителя. Мы стали жертвой чудовищного мирового мошенничества. Однако мы были не совсем одиноки в этом, потому что другие тоже были обмануты. Итальянцев тогда обманули, индийцев обманули; им обещали, что если они захотят вступить за Англию, то впоследствии получат свободу. В то время арабы были обмануты; их уверяли, что тогда они получают великую арабскую империю. Правда, попутно были обмануты и евреи, которым была предоставлена та же территория, что и арабам. Они обманули и свои собственные народы. Во всех этих так называемых государствах-победителях их собственные народы не получили того, чего ожидали в то время. Потому что сейчас должен наступить век справедливости. Только в этих странах отсутствует справедливость, в том числе социальная справедливость.

Однако больше всего был обманут наш собственный немецкий народ. Наш немецкий народ с идиотским доверием отнесся к обещаниям этих противников, к обещаниям, которые и сегодня звучат в наших ушах, тем более что сейчас мы отчасти снова живем ими: мир равенства, мир, в котором единственной определяющей жизнь силой или властью будет только справедливость, мир, в котором не нужно будет никакого оружия, мир, в котором будет царить вечный мир, в котором Лига Наций сделает людей счастливыми и т. д. и т. п.

Немецкий народ сложил оружие на основании этих обещаний, которые сводились к 14 пунктам. Когда позже они сказали: да, вам не нужно было этого делать, вы потерпели поражение - почему они обещали нам 14 пунктов, а затем торжественно заявили, что выполняют их? Мы были просто побеждены. Немецкий народ был обманут в своей вере в возможность нового мирового порядка. Следствием этого обмана стали позднее Спа и, наконец, Версаль. Таким образом, возник новый мировой порядок, а именно мир так называемых победителей и мир побежденных, при котором победители имели все права, а побежденные не имели никаких прав. Сама Германия была побеждена и, следовательно, лишена прав. Однако она не имела прав, потому что была также беззащитна. И эта беззащитность стала основой для всего последующего. У нас не было сильной имперской власти. Ее заменила парламентская демократия. Парламентская демократическая Германия того времени, надо признать, была раем - но не для немецкого народа. Это был рай для евреев, для всех рэкетиоров, для всех спекулянтов, для всех мошенников, для всех представителей групп интересов. Короче говоря, для всех мыслимых элементов нашей нации, но не для самого немецкого народа.

Другой мир, сформировавший эту демократию, ни в коем случае не признавал за ней равных прав, напротив, с ней обращались так, как она в итоге заслужила. Ад для порядочных людей, для всех достойных, творческих людей и, прежде всего, для всех честных и добросовестных людей. А хозяином этого государства в то время была интернациональная финансовая клика, финансовая плутократия, которая и сегодня правит большинством стран и которая сейчас снова борется за сохранение своего режима.

В таких условиях немецкая экономика могла только деградировать. Вы все еще помните этот период ползучей инфляции, которая с каждым днем становилась все хуже и хуже. Один кризис приводил к другому. Каждый кризис становился началом другого. Один крах приводил к новым крахам. Так началось время, когда всё в нашей Германии фактически боролось друг с другом, когда все враждовали друг с другом, время, когда все авторитеты пали, но и народ, естественно, потерял доверие к любым авторитетам, время Веймарского партийного государства. 46 партий и групп боролись за то, чтобы представлять интересы немецкого народа.

Следствием этого внутреннего раскола стало растущее бессилие снаружи, следствием которого снова стало растущее бесправие Германии, и, наконец, следствием этого стало растущее ограбление нашего народа. Так называемые репарации, которые мы должны были выплатить в эти годы, выходили далеко за рамки всего, что раньше считалось возможным. Наступила эпоха откровенного капиталистического безумия. Нация была обременена политическими долгами, которые невозможно было погасить. В итоге для погашения политического долга были предоставлены экономические займы, постепенно превратившие политический долг в экономический, который - в соответствии с представлениями тогдашних властей - считался более священным, чем просто политический долг. Следствием этого снова стало разрушение наших финансовых основ, девальвация наших денег и, как следствие, новый ущерб для всей немецкой экономической жизни. В итоге осталась лишь нация рабов, нация рабов на службе у интернациональных эксплуататоров, часть из которых находилась в самой Германии, а большая часть имела свои представительства за ее пределами.

В то время было много людей, которые, учитывая этот полный упадок во всех сферах, всю веру и доверие и т. д., считали, что наступил конец немецкой нации. Я в то время был другого мнения. То, что многим казалось концом, в моих глазах было только началом. Ведь что на самом деле было сломано в то время? Сломаны были неустойчивые формы, формы, которые не могли существовать в долгосрочной перспективе. Буржуазно-капиталистический мир рухнул. Его эпоха

просто изжила себя. Этот крах должен наступить повсюду в той или иной форме, и он не может не наступить нигде. В то время этот крах привел нас к кризису, ужасному с точки зрения внешней политики и с не менее ужасными последствиями. Но нет никаких сомнений в том, что это время, эта эпоха не смогли бы выжить в долгосрочной перспективе. Казалось бы, у нас была империя. Но эта империя больше не была домом для народа, она была игровой площадкой для конфликтующих групп интересов. Пролетариат и буржуазия, классовое сознание с одной стороны, классовая гордость - с другой. Кроме того, чисто формальная федералистская конституция, гибрид между монархией и парламентской конституцией, была нежизнеспособна. Империя, к тому же, была разделена на федеративные государства, каждое из которых при каждом удобном случае имело возможность немедленно заблокировать самые необходимые решения своим голосом или вето. В долгосрочной перспективе это было совершенно несостоятельное государственное устройство. Само собой разумеется, что перед нашим народом, в частности, в связи с его плотным расселением в Центральной Европе, были поставлены очень большие задачи. Решение этих задач требовало небывалого авторитета режима. Требовалось единое общественное мнение. Решение этих задач было возможно только в том случае, если за решениями режима, правительства стояла единая воля народа. В то время это было уже немыслимо. Рано или поздно такое положение вещей должно было разрушиться и уступить место другому.

Если задуматься о том, что было в те времена, то можно прийти к выводу, что многое было сломано. Однако это были скорее внешние формальные вещи. Например, монархическая форма правления была сломана. Немецкий народ может жить без нее, он будет жить без нее лучше. Разорванное государство того времени было сломлено. Немецкий народ будет жить лучше без этой разобщенности, которая частично классифицировалась как федерализм, а частично как нечто иное. Наш буржуазный общественный строй в то время был сломан. Немецкий народ не мог жить с этим в долгосрочной перспективе. Мир идей также был разрушен экономически, хотя на его месте изначально

не было ничего нового, только хаос. Но сами по себе эти идеи не были обречены на вечность. Решающим фактором было одно: в это время, когда было сломлено так много внешних формальных институтов, сам немецкий народ не был сломлен, потому что перед этим он добился своего беспрецедентного - надо сказать, шедевра в мировой истории. Достижение, которое до этого не удавалось совершить ни одному народу на земле. В четырехлетней битве эта нация выстояла против 26 государств и была побеждена только ложью и обманом. Если бы в то время внутри страны не нашлись немцы, которые, опираясь на иностранные государства, ополчились против собственного режима, они бы не победили. Представьте себе, если бы канцлером Германии был некий Адольф Гитлер, а не немецкий мушкетер, неужели вы думаете, что эти капиталистические идола международных демократий победили бы тогда? Им было легко. В Германии им противостояли очень низкие явления. Эти явления потерпели крах. Они были свергнуты. Немецкий народ внутренне не имел к этому никакого отношения. За четыре года мировой войны немецкий народ доказал свою высочайшую доблесть, принес доказательство неслыханной силы.

И когда я появился тогда в этом зале как носитель новой политической идеи, я появился как представитель этого немецкого народа, миллионов отдельных существ, живущих неизвестно где. И в то время мне было совершенно ясно одно: если старая империя распалась, если старые партии распались, если старые социальные классы пришли к концу, то на их месте должен был возникнуть новый мир. И этим новым миром в Германии мог быть только мир самого немецкого народа. Старое классовое государство должно было быть заменено империей немецкого народа, государством немецкого народа. Идея империи должна была быть вырвана из рук прежних представителей и передана в верные руки немецкого народа. Сам народ должен был быть возведен в ранг хранителей германской имперской идеи. Империя уже была сформирована, как было четко указано в прокламации, по воле князей. Теперь же новая империя должна была быть создана в соответствии с волей народа. Если апеллировать к этому народу, то должна была появиться возможность

мобилизовать неизмеримые силы. Великая война доказала, что народ обладает такой силой. Так возникло народное государство.

И она была провозглашена 20 лет назад в этот вечер в этом зале. Эта программа была ничем иным, как программой строительства новой немецкой национальной империи. Это были тезисы национального восстания. И главное, главное осуществление, заложенное в этих тезисах, заключалось в том, что две самые элементарные силы того времени: национализм и социализм - должны быть подвергнуты новому определению и что из этого определения два тезиса должны быть слиты в один. Эти две мысли должны были превратиться в единую идею, которая могла бы стать носителем новой силы, силы, способной в один прекрасный день сделать империю снова великой, свободной и могущественной. Теперь народ должен был стать и определить смысл и содержание этой новой борьбы. Не только политическая борьба должна была вестись за народ, но и экономическая работа. Вся культурная и политическая деятельность должна была способствовать его сохранению. Это очень немногие принципы, но они сами по себе станут грандиозной революцией, революцией грандиозных идей, грандиозных инноваций, грандиозных интервенций, грандиозных потрясений, но также, как я был убежден в то время, и грандиозных успехов.

Тогда и началась борьба с внутренними врагами. И вы, мои старые соратники, знаете, что я вступил в эту борьбу не как пацифист. Я, конечно, не хотел вступать во внутреннюю битву, если в этом не было необходимости. Но я также учил вас всех встречать любую битву, когда это необходимо, и принимать ее без колебаний.

В то время я всегда придерживался этой точки зрения: Я предпочитаю регулировать жизненные потребности нашего народа на основе согласия, на основе понимания, то есть путем мирных соглашений. Но если кто-то попытается помешать или воспрепятствовать этому мирному развитию силой, то я отвечу ему силой. Таковы были принципы, которыми мы руководствовались в нашей борьбе в то время и которые не покидали нас в течение 13 лет;

подобно другой стране, Италии, где тот же интеллектуальный мир добился победоносного прорыва теми же средствами.

Эта борьба продолжалась 13 лет. Вы, мои старые товарищи по партии, лучше всех знаете, что было достигнуто за эти 13 лет, что эти 13 лет включали в себя заботы, усилия, индивидуальные подъемы, а также неудачи. Вы пережили все это за эти долгие годы борьбы с очень маленькой группой, потому что мы начинали с таким малым количеством людей. И потому что мы медленно строили нацию. Вы были свидетелями всего этого, как это было трудно, как нам приходилось медленно переходить от одного собрания к другому, из города в деревню и из деревни в деревню, из деревни обратно в рыночный город, а затем снова в маленькие города, как мы постепенно вышли из нашей Баварии и постепенно начали оплодотворять остальную часть Рейха, и как движение постепенно начало распространяться по всей Германии. Гигантская борьба за власть; вначале борьба с теми средствами, которые в то время только и обещали привести к победе. Борьба за власть в самом государстве. Это была революционная эпоха нашего движения. Страшная неудача в 1923 году. Затем наступил легальный период. Мы снова боролись всеми доступными нам средствами, пока, наконец, через 13 лет не пришла победа. Через 13 лет наши внутренние противники оказались на земле. Все, что противостояло нам в то время, наше жидовство, наши плутократы, наши трусливые оппортунисты, которые есть везде, где дела постепенно идут хорошо, наши представители политических и экономических групп интересов, все наши партии, наши классы, наши сословия, наши государственные парламенты и т. д., профсоюзы, деловые организации и т. д., все это было теперь постепенно прижато к земле. И когда мы пришли к власти, нам фактически пришлось лишь исполнять приговор, который уже стал историей.

Немецкий народ постепенно формировался в партии, в движении. В 1933 году наступило время, когда нам пришлось воплотить в жизнь все, что мы провозглашали, проповедовали или обещали на бесчисленных митингах. И если кто-то справедлив, то и здесь он не может отрицать, что с того времени в Германии произошло чудо. Что было достигнуто за эти несколько лет в плане реформ во всех

областях! Чего мы добились в плане восстановления экономики! Как стали процветать наши города! Как поднялась культурная жизнь Германии! Этот город - доказательство, живое доказательство нового расцвета немецкого искусства. Какую огромную работу мы проделали в области организационной структуры нашего народа! Что произошло с тех пор в слиянии отдельных сословий, отдельных классов! Что мы сделали в области воспитания нашего потомства, в области обучения нашей молодежи! Что мы сделали для повышения производительности труда нашего народа! Миллионы безработных исчезли. Когда какой-нибудь демократический идиот говорит, что мы, мол, не должны были перевооружаться, а вместо перевооружения - работать. Мы можем только сказать этому идиоту: так мы и сделали! Потому что до нашего прихода перевооружения не было, но в Германии было семь миллионов безработных, и этим безработным нечего было есть. А потом мы включили этих безработных в экономический процесс. Мы вообще не хотели перевооружаться, но когда мы увидели, что эти старые поджигатели войны, старые завистники прошлого, снова готовятся напасть на нас, я все же перевооружил Германию, больше, чем когда-либо в её истории.

Сооружение гигантских масштабов было достигнуто. Когда я смотрю на всех этих так называемых международных государственных деятелей демократических стран, которые сегодня много говорят в Европе, когда я представляю себе этих людей и смотрю на дело их жизни, то могу искренне сказать: я имел несчастье бороться только с нулями - внутри и снаружи. Эти люди правят большей частью мира и даже не в состоянии ликвидировать безработицу в своих странах. И эти старые, полностью окостеневшие нули говорят о необходимости перестроить Европу. Да, мои сограждане, это напоминает мне риторику наших собственных демократов, тех старых беззубых господ, которые ходили и проповедовали о необходимости восстановления Германии. Восстановление произошло - но без них! И перестройка мира тоже произойдет, и тоже без них!

В течение этих семи лет я, естественно, должен был бороться за свободу моего народа и тем самым против Версаля. Ведь само собой

разумеется, что любое экономическое возрождение немецкого народа было бы невозможно в рабских оковах Версаля.

Однако речь идет не столько о борьбе против Версальского договора, сколько о борьбе против принципа, против умонастроения, нашедшего свое документальное выражение в Версальском диктате. Этого принципа и этого умонастроения, которые коренятся в том, что две или три нации предназначены Богом для управления всей землей и что если одна нация не подчиняется этому управлению, то человек имеет право сказать: эта нация хочет управлять землей. Другими словами, этот добрый мистер Чемберлен появляется в тот момент, когда вся Индия протестует против него, в тот момент, когда арабы протестуют, он появляется и заявляет, что Англия борется против попытки Германии насильственно господствовать над миром.

Этими фразами можно было бы произвести впечатление на Германию до 1918 года, но не на национал-социалистическую Германию! Напротив, наша борьба с самого начала была направлена против этого принципа. Точка зрения, что в мире есть два вида людей, а именно: люди, причисляемые к имущим, и люди, причисляемые к неимущим..., эта капиталистическо=плутократическая точка зрения, погибнет. Провидение, Господь Бог, создал мир не только для англичан. Господь Бог не предписывал, чтобы несколько маленьких рас правили и подчиняли себе три четверти всей земли и при этом не могли обеспечить свой собственный народ даже самым необходимым, а другие народы были обречены на голод.

Это стало возможным только благодаря слабости некоторых стран. Но сейчас эта слабость преодолевается и уже преодолена. И сейчас эти страны также заявляют о своих претензиях. И я сделал это заявление очень скромно. Цель, которую я преследую, действительно была скромной:

1. Обеспечить наше собственное жизненное пространство. Под жизненным пространством я подразумеваю все, что в мире было возделано, цивилизовано и экономически развито не англичанами, а нами, немцами. Такие территории еще есть! По крайней мере, в Центральной Европе оплодотворяющее британское влияние не было

заметно в прошлом до настоящего времени. Эта Центральная Европа была построена Германией. И именно в этом немецком жизненном пространстве мы теперь хотим жить. И здесь я и мы не позволим сократить нашу жизнь. И мы не позволим, чтобы в этом жизненном пространстве нам угрожали. И мы не позволим, чтобы здесь создавались какие-либо политические комбинации, направленные против нас. И

2. мы требовали, и я требовал вернуть немецкие колонии, нашу немецкую собственность, которая была у этих мировых плутократов.

Это были очень ограниченные цели. Я сделал все возможное, чтобы с самого начала четко ограничить наши претензии к Англии и Франции, которые вообще не могли повлиять на эти нации. Тем не менее стали появляться наши знакомые по мировой войне. Появились мистер Черчилль, мистер Дафф Купер, мистер Иден, сам мистер Чемберлен и, наконец, витающий над всем вечный дух жида Хоре Белиша.

Конечно, я сильно отличаюсь от этих людей. Во время Великой войны мистер Черчилль уже был известным буяном. Тогда он был известным поджигателем войны. Он был одним из тех людей - они никогда не скрывали этого, - которые уже ввергли мир в войну. А я тогда был совсем маленьким, никому не известным солдатом, не имевшим никакого политического влияния. Я просто выполнял свой маленький долг, как и все остальные немцы. Так что мы были из совершенно разных миров. Там: капиталистические поджигатели войны ради войны и здесь: маленький немецкий солдат, который просто выполнял свой долг. После войны эти люди занимались своим бизнесом, а именно сделками с вооружениями самого чудовищного рода, и прикарманивали военные прибыли. А я воевал, вы это лучше всех знаете, как мои свидетели.

Вот уже несколько лет эти люди снова рвутся к войне. И они не скрывают, что их цель - снова развязать большую войну. Они надеются, что найдут другие народы, которые встанут на их сторону, и эта надежда отчасти оправдана, потому что у них повсюду есть жидовские союзники. Однако частично эта надежда уже потерпела крах. Поэтому они снова по-своему подготовили эту войну. И теперь, однако, на этот раз им противостоит немец, немецкий фронтовик,

который, со своей стороны, также провел подготовку, и провел ее тщательно, как это может сделать только тот, кто полон осознания своего долга перед своим народом.

Я предостерегал этих людей, когда это было необходимо. Но я никогда не оставлял сомнений в одном: это была моя непоколебимая воля и решимость вновь освободить Германию. То, что они теперь ненавидят меня за это, - моя величайшая гордость. Вы знаете, как часто я говорил вам, моим старым партийцам и партийкам, что здесь. Когда все демократы Германии, когда все жида, когда все эти кривляки, когда вся эта дрянь оскорбляла меня в те времена, как часто я говорил вам: это моя величайшая честь. Если бы они меня хвалили, то я был бы самым большим негодяем на свете.

Так и сегодня. Когда мистер Черчилль говорит, что ненавидит меня - я благодарю вас, мистер Черчилль, за этот комплимент. Когда мистер Чемберлен заявляет, что не доверяет мне, - спасибо, что вы тоже не верите, что я могу быть предателем, мистер Чемберлен.

Если мистер Дафф Купер или мистер Иден заявляют, что в их глазах я мерзкое чудовище, я счастлив, что они не объявляют меня своим другом. В любом случае, у меня есть только одна цель - завоевать и сохранить любовь и преданность своих соотечественников. Ненависть моих врагов меня несколько не трогает. Она не трогала меня в течение 13 лет, когда я боролся за власть в Германии, и уж точно не трогает меня сейчас. И так же, как я в течение этих 13 лет вел внутреннюю борьбу за свободу своего народа против внутренних угнетателей, эксплуататоров и т. д., так я буду вести борьбу и сегодня, если потребуется, то снаружи.

Они нас не знают! Лучшим доказательством того, как мало они нас знают, я считаю надежду британцев на то, что, возможно, новый 1918 год все-таки наступит. Этому соответствуют идиотские листовки, которые первоначально были сброшены на Германию за неимением других боеприпасов. Вероятно, считалось, что театр военных действий или маневры 1917 или 1918 года могут повториться в Германии сегодня. Эти господа имеют представление о сегодняшней Германии!

Ситуация здесь значительно изменилась по многим направлениям. Прежде всего, она изменилась в плане внешней политики по сравнению с 1914 г. Сегодня Германия дружит с Италией. Это не только дружба двух режимов и, можно сказать, дружба двух лидеров, но и осознание того, что будущее этих двух стран зависит друг от друга и они взаимозависимы. Только к России отношение также изменилось. Надежда на создание еще одной большой войны между Россией и Германией, между двумя народами, как это было в 1914 году, потерпела крах. Я понимаю, что люди в Лондоне сейчас возмущены этой подлостью, тем, что я вдруг предотвратил этот шаг из всех возможных. Я это понимаю. Но я считаю, что в данном случае российский режим и германский режим действительно сделали что-то очень полезное для двух народов. Потому что мы оба слишком хороши друг для друга, чтобы просто обескровить друг друга до смерти, чтобы Лондонская биржа и всё жидовство в Лондоне могли потирать друг другу руки.

Это означает, что огромное государство выбывает из борьбы с Германией. И вы знаете, мои сограждане, что я не делаю ничего наполовину. Раз уж я встал на этот путь, то доведу его до конца. Иными словами, надежда на то, что завтра или послезавтра все будет по-другому, - это напрасная надежда.

Но Япония, которая также воевала против Германии в 1914 году, на этот раз не выступает на стороне наших врагов, а является нашим близким другом.

Это три могущественных государства, которые в свое время были нашими врагами, а теперь выступают на нашей стороне в качестве самых благожелательных нейтралов. В конце концов, это гигантское изменение внешнеполитической ситуации. Изменилась и военная ситуация. Я перевооружился. И так же, как я делаю все вещи в своей жизни последовательно, а не наполовину, так и это перевооружение я делал последовательно. Я не говорил об этом в течение многих лет по причинам, которые вы можете объяснить. Я не хотел излишне расстраивать других, потому что не хотел конфликтов. Один англичанин как-то сказал мне, что мы должны сообщать друг другу о нашем бюджете - мы должны объявлять о расходах на вооружение. Я

спросил его, почему. Ну, сказал он, чтобы мир был немного спокойнее. Я сказал ему: нет, нам лучше этого не делать, возможно, это сделает мир еще более беспокойным. В любом случае, я молчал несколько лет. Но вы все знаете, что я работал. Мы создали вермахт, который сегодня находится в ином положении, чем в 1914 г. Тогда он был плохо оснащен, в некоторых случаях даже плохо снабжался, но на этот раз мы не пожалели жертв, чтобы дать нашему вермахту самую современную броню в мире. Кампания в Польше стала первым доказательством того, что это не пустая фраза. Я думаю, что она прошла немного быстрее, чем ожидали стратеги в Лондоне и Париже. И будущее это подтвердит.

Но что касается духа этого вермахта, то беспокоиться не стоит. Дух этого вермахта - это, как всегда, дух верховного руководства. У солдат всегда есть дух, которым обладают верховные руководители и который есть у верховного руководителя. Это старый опыт. Потому что мушкетер в низах всегда храбр. Так что если высшее руководство тоже храброе, то и дух внизу будет в порядке. И чтобы высшее руководство 1914 года, не дай Бог!

В одиночку, даже экономически, заложить основы нашей самодостаточности - к большому раздражению наших противников. Они должны были быть в восторге. Они должны были сказать себе: Слава Богу, немцы создают свою собственную жизнь в своем собственном кругу. - Нет, их это раздражало, потому что они прекрасно понимали, что эта самодостаточность лишит их возможности вторгнуться в Германию и затем задушить ее блокадой. Впрочем, эта блокада, кстати, неполноценна и в других отношениях. Но мы сделали себя устойчивыми к блокаде, в отличие от 1914 г. От тогдашней ситуации нас отличает одно: тогда наша оборона от блокады была нулевой, и наша собственная подготовка к автаркии тоже была нулевой. Сегодня, с первого дня, наше сопротивление совершенно иное, чем тогда, и оборона также организована с нашей стороны, что означает, что самодостаточная основа нашей экономики обеспечена в высшей степени. Мы все знаем одно: Германию нельзя заставить сдаться ни в военном, ни в экономическом отношении.

Но теперь наступает решающий момент, и это - лидерство. И когда я говорю здесь о лидерстве, я имею в виду не только себя лично, но и все то, что стало лидерством в Германии за 20 лет, прошедших с тех пор, как я был здесь и впервые выступил перед вами. Я часто говорил вам: я не кто иной, как магнит, который постоянно проносится над немецкой нацией и вытягивает сталь из этого народа. И я часто заявлял, что придет время, когда все мужчины Германии окажутся в моем лагере. А то, что не в моем лагере, все равно будет бесполезно. Я описывал это как процесс формирования исторического меньшинства. И это именно то, что произошло. За 13 лет в национал-социалистической партии накопилась сумма личных энергий, начиная с руководителя маленького блока и ячейки, до руководителя местной группы, до руководителя округа, до гауляйтера, до рейхсштаттляйтера, до рейхсляйтера; во всех областях произошел колоссальный отбор. Были мобилизованы бесчисленные сотни тысяч сил, которые теперь занимают самые важные посты.

Если сегодня вы, возможно, уже не понимаете этого в деталях, то я попрошу вас только об одном: посмотрите на какое-нибудь событие в стране, скажем, 1903, 1905, 1908 или 1910, 1912 годов, и посмотрите на аналогичное событие сегодня; скажем, на открытие памятника в те времена, национального героя, скажем, Бисмарка или, допустим, спуск на воду. Первое впечатление: поле цилиндров, только цилиндры, никаких людей, только цилиндры. А сегодня: только люди и никаких цилиндров. Вот это разница!

Когда я буду говорить с вами сегодня, вы, мои дорогие старые партийцы и партийки, скажете: «Наш старый революционный вождь! - Простите - ваш глава государства! А теперь не забывайте, как это выглядело бы в другом месте, когда говорит глава государства. Как это выглядело бы 20 лет назад или даже 1 год назад. Взгляните на сегодняшнюю картину. Сегодня у нас действительно есть немецкий народ. И во главе его стоят лидеры немецкого народа, независимо от их происхождения. Это действительно огромное количество мужской силы и решимости, которые сегодня руководят немецкой нацией. Когда народ организован таким образом, что на каждом посту стоит человек, выросший из самого народа и пробивший себе дорогу к этой

должности благодаря своей энергии, а не имени или рождению, это чего-то стоит.

И вот наступает последний момент: У нас есть и другой народ. Этот народ теперь возвысился. Они нашли себя. Он вновь обрел уверенность в себе в невиданных ранее масштабах. Он прекрасно знает, что в этом мире нет ничего невозможного. Он знает нашу историю. Что такое все наши решения по сравнению с решениями великих героев прошлого! Но мы знаем, что сегодня мы не слабее их, напротив, мы можем успешно конкурировать с ними. Немецкий народ прошел такую школу, какой, пожалуй, не было ни у одного народа Западной Европы, за исключением Италии, - школу политического образования, просвещения. Этот народ организован. Сегодня нет ни одного из этих 23 миллионов рабочих, который не состоял бы в какой-нибудь организации.

Когда сегодня сюда приходит английский целиндроносец и хочет вести пропаганду - пропаганду среди нашего народа? Другие уже пытались это сделать, и им не удалось справиться с нами. Все эти фразы, которые тратит мистер Чемберлен, могут быть использованы для его собственного народа. На нас они вообще не действуют. Мы знаем этих господ. Прежде всего, мы знаем их советников. Мы знаем их очень хорошо, потому что некоторые из них были здесь с нами восемь лет назад. Мы слышим это, слышим по диалекту их произношения. Они говорят на немецком, который так же странный, как и английский, на котором они говорят. Когда-то мы избавились от этих людей в нашей среде, потому что в Германии они проявляли насилие. Сегодня у них нет никакого насилия здесь, кроме насилия их голоса. И этот голос звучит в Германии очень плохо. Немецкий народ испытывает отвращение к этим голосам, ко всему этому жаргону. Они вообще не хотят слышать эти голоса. И как только они видят носителей этих голосов, немецкий народ уже сыт по горло. То, что эти люди потом говорят, само по себе не имеет никакого значения. Никто в немецком народе не верит ни одному их слову. Каждый немец знает, что они лгут сквозь зубы и печатают, как лгут.

Нет, немецкий народ сегодня стал совершенно другим. В руководстве больше нет Бетмана Хольвега. Но и спартаковских банд в народе больше нет. И то, и другое закончилось. Появился новый народ, и этот народ будет вести борьбу, которую ему теперь навязали. И я полон решимости вести эту борьбу. Может быть, кто-то сейчас скажет: если бы у нас было еще несколько лет. - В том-то и дело. Лучше, если бы борьба была неизбежна, в конце концов, господа начали ее сейчас. И кроме того, в долгосрочной перспективе невыносимо, что одна нация может каждые два десятилетия говорить другой нации с населением в 80 миллионов человек: Мы не хотим, чтобы вы делали то-то и то-то, и мы не хотим... Если нам придет в голову, то мы перекроем ваш импорт, мы устроим блокаду, и тогда вы не сможете ничего купить, тогда вам придется голодать.

Мы не можем этого терпеть, и мы ломаем этот режим немедленно! Мы уничтожим этот организованный террор мерзкой мировой клики плутократов - так или иначе! Мы разделались с этими интернациональными финансовыми гиенами, плодящимися в Германии, мы не позволим, чтобы закон как жить диктовался нам извне. Немецкая нация имеет такое же право на жизнь, как и любая другая. И мы просто не можем смириться с тем, что несколько человек могут приходить сюда и при любой возможности диктовать другому народу меру жизни. Поэтому мы намерены продолжать борьбу до тех пор, пока этот террор не будет сломлен. И так же, как мы сломили его внутри, мы сломим его и снаружи.

То, что я не уважаю этих людей, основано на нескольких фактах:

1. если они все равно были с нами в прошлом, вы поймете, что мне не нужно испытывать к ним уважение. Почему я должен испытывать уважение к людям, которые имели власть в Германии, которые столкнулись со мной, совершенно неизвестным, безымянным и бессильным, и которые были вынуждены покинуть поле боя через 13 лет - почему я должен испытывать уважение к этим людям? И внешне все обстоит не так уж плохо. Я сам провел четыре года в качестве солдата, сталкиваясь с этими людьми. И вы не скажете мне, что они лучше нас. Да, тогда они гигантски превосходили нас. Но сегодня у них уже нет такого превосходства. Нет у них и такого превосходства в

вооружении. И вам, мои старые товарищи по партии, нетрудно будет поверить, что я сейчас воспользовался моментом. Потому что в чем бы нас ни обвиняли, никто не может обвинить меня в одном: что я когда-либо ленился в борьбе или, может быть, полгода ничего не делал, а только складывал руки в замок. За последние пять месяцев я сделал то, что может сделать только человек. И это было относительно легко, потому что все, что нам нужно было сделать, - это запустить то, что мы готовили к запуску, и теперь это работает! И основательно!

Сегодня немецкий народ находится в лучшей военной форме, чем когда-либо в своей истории. Мы все можем быть уверены в руководстве. Военное руководство находится на высоте и справляется с поставленными задачами. Остальные должны сначала доказать все то, что уже доказали мы.

Кстати, теперь я верю в одно: есть Господь Бог. Этот Господь Бог создает народы. По сути, он наделяет все народы одинаковыми правами. Мы, немцы, вели себя очень плохо в истории 20 лет назад, 22, 23 года назад. Произошла революция, и мы потерпели поражение. А потом началось возрождение нашего народа с неизмеримым трудом. И за все это время Провидение снова благословило наш труд. Чем смелее мы были, тем больше было благосклонности провидения. И даже в последние шесть лет провидение всегда сопровождало нас. Потому что, поверьте, кто-то называет это удачей, кто-то чем-то другим, но без этого окончательного одобрения великие дела не совершаются. И всего несколько месяцев назад я лично ощутил в самой глубине души действие провидения, которое сопровождает людей и ставит перед ними задачи. Мы служим этим задачам. Мы не хотим угнетения других народов. Это наша свобода, наша безопасность, безопасность нашего жизненного пространства. Это безопасность жизни самого нашего народа. Вот за что мы боремся. Провидение благословило эту борьбу, благословило тысячекратно. Стало бы оно это делать, если бы в его намерения входило внезапно обернуть эту борьбу против нас? Я верю в высшую и вечную справедливость. Она будет воздана тем, кто окажется достойным этой справедливости. В это я верил, когда впервые пришел сюда 20 лет назад, тогда еще совсем безымянным, неизвестным человеком. Тогда я верил, что моему народу не суждено

погибнуть. Он погибнет, если не найдется людей, способных спасти этот народ. Он должен погибнуть, если не найдется никого, кто верил бы в этот народ. Тогда он должен погибнуть. Но если кто-то вновь исповедует веру в этот народ верующим сердцем, трудится ради него и отдает всего себя за этот народ, то не может быть, чтобы Провидение позволило этому народу погибнуть.

Итак, я начал эту борьбу совершенно неизвестным, маленьким немецким солдатом, а в конце этой борьбы 30 января 1933 г. Маленький солдат стал первым народным канцлером Германского Рейха. А через год я стал лидером всей нации.

И вот уже семь лет я снова сражаюсь с тем же убеждением: не может быть, чтобы мой народ был обречен на такую судьбу - быть рабом других, быть рабом этих англичан или французов. Этого не может быть! И я верю в это и сегодня, и даже более справедливо, чем раньше, потому что с тех пор Провидение сделало для нас более чем чудесные вещи. И я могу только попросить вас всех: Как старые национал-социалисты, сохраняйте эту веру так сильно, как только можете. Иначе быть не может, мы должны победить, и мы победим! И как бы ни угрожал и ни давил враг вокруг нас, он не хуже, чем был когда-то. Нашим предкам тоже приходилось это терпеть. Так что мы действительно должны смириться с великим признанием могучего немца: "Даже если бы весь мир был полон демонов, мы все равно добьемся успеха!"

Translated by sieg-heil.info

Original Text: Der großdeutsche Freiheitskampf – Bouhler Philipp, NSDAP Verlag.

